

УДК 1(091)(470)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Н.Н. СТРАХОВА О РЕВОЛЮЦИИ: ЗАОЧНЫЙ СПОР С А.И. ГЕРЦЕНОМ

Н.В. Снетова

Статья посвящена исследованию социальных воззрений русского философа Н.Н. Страхова. В ней рассматривается страховский анализ Парижской коммуны (1871г.). Показывается, что в статье «Парижская коммуна» Страхов пытается противопоставить собственный взгляд на революцию взглядам Герцена, изложенным прежде всего в работе «С того берега». Автор делает вывод, что отрицание революции, с одной стороны, является у Страхова следствием исповедуемого им органического подхода, с другой — оценка и представление о революции определялись страховской консервативной социально-политической ориентацией.

Ключевые слова: русская философия; Страхов; Герцен; социальная революция; русский консерватизм; исторический процесс; органицизм.

Представления петербургского философа Николая Николаевича Страхова (1828-1896) о социалистической революции нашли ясное выражение в статье, посвященной Парижской коммуне, опубликованной им в 1871 г. [1]. Мыслитель пытался осмыслить социальное событие «по горячим следам». При этом автор демонстрирует понимание знаковости данного события не только для истории Западной Европы. Заметим, что, с одной стороны, он обращается к работам очевидцев происходившего в Париже, комментируя следующие работы: «Осада Парижа. 1870-1871. Впечатления и воспоминания». Перевод. СПб., 1871; Франциск Сарсе, Молинари «Черная книга парижской коммуны. Разоблачение «Интернационала»; «La revolution plebeienne». Lettres a Junius. С другой стороны, его анализ Парижской коммуны, социального радикализма вообще, на наш взгляд, в определенном смысле есть ответ Герцену, с чьими работами Страхов был знаком, особенно с ранними произведениями. Вполне возможно, что к 1871 г. он знал содержание и последней теоретической статьи Искандера «К старому товарищу», которая в 1870 г. была уже переведена на русский язык. По нашему мнению, можно говорить о (заочном) диалогическом споре в социальных воззрениях Герцена и Страхова по

поводу социальной, социалистической революции. Автор статьи «Парижская коммуна» вел дискуссию-диалог, не всегда прямо артикулируя точку зрения теоретика русского социализма, иногда следуя Герцену, но чаще явно, настойчиво споря с ним, противопоставляя ему свой взгляд. В 1870 г. Страховым была написана и опубликована в журнале «Заря» большая статья, посвященная жизни и творчеству А.И. Герцена. В ней, естественно, затрагивался вопрос о революции [2].

Страховское исследование социальной революции в теоретико-методологическом отношении опиралось на органицизм, направление в русской философской мысли, к которому, на наш взгляд, можно отнести философа. Отметим, что органицизм позволяет развивать в социальных воззрениях противоположные концепции. Напомним, что М.В. Буташевич-Петрашевский в рамках теоретико-методологических оснований органицизма пришел к социализму. Неославянофил Страхов демонстрирует другой, консервативный, вариант возможных социальных выходов, содержащихся в органическом подходе.

Исследуя взгляды русского философа и публициста на революцию и левый радикализм вообще, необходимо определить *онтологиче-*

ские основы этих взглядов. Органицизм, к которому мы относим его социально-философские воззрения, в качестве доминирующего методологического регулятива использует «идею организма». Представители органицизма рассматривали любое целостное образование по аналогии с организмом. Следуя органическому подходу, Страхов в онтологии утверждал, что мир есть органическое взаимосвязанное целое. При этом делался акцент на устойчивость, порядок в вещах и в мире. Мыслитель настаивал, что согласно органическому пониманию народ, нацию, культуру, государство, семью и т.д. следует рассматривать как организм. По аналогии с эволюцией организма всякое развитие трактуется как саморазвертывание исходного ядра, начала, основы. Все изменения, которые претерпевает органическая целостность, носят, конечно, мирный и постепенный (естественный) характер. Отечественный философ не принимает ничего, что могло бы угрожать естественному, органическому ходу как вещественного, так и человеческого мира. Отсюда понятно, что революции, с его точки зрения, — зло, ибо сеют смерть и разрушение, несут хаос в общественную жизнь, которая должна носить органический, гармонический характер.

Методологически проблема революции предполагает определенную трактовку развития. Поэтому важно, как отечественный мыслитель относится к диалектике. Это тем более интересно, что Страхов позиционировал себя как гегельянца. Известно, что, например, А.И. Герцен оценивал диалектику как алгебру революции. Однако изучение философского творчества Страхова позволяет нам сделать вывод, что, необычайно высоко оценивая на словах гегелевскую философию и прежде всего гегелевский метод, к диалектическому методу он относился своеобразно. В работе «Литературная деятельность Герцена», в разделе, который называется «Учение о прогрессе», вероятно, не случайно, излагая гегелевскую концепцию прогресса, автор не касается вопроса о его механизме. Но при этом он даёт критику прямолинейного понимания прогрессивного движения

истории, т.е. критическая оценка упрощенных представлений о социальном прогрессе фактически оказывается оценкой концепций общественного прогресса вообще. Согласно Страхову, более адекватное понимание развития истории обеспечивает рассмотрение исторического процесса по аналогии с организмом, что исключает, по его мнению, возможность его упрощенных, прямолинейных трактовок. В круг рефлексии русского философа не входит и диалектическое учение Гегеля о взаимосвязи качественных и количественных изменений, единстве и борьбе противоположностей, об отрицании отрицания. Эти категории играют важную методологическую роль при диалектическом объяснении механизма качественных, революционных социальных изменений в ходе прогрессивного движения человеческой истории. Не принимая идею социального прогресса, Страхов пытался связать диалектическую трактовку развития истории с релятивизмом и скептицизмом. Он приписывает диалектическому представлению о прогрессе отбрасывание всего старого. Уровень страховской философской культуры, уровень его понимания философии Гегеля, не позволяет допустить, что отечественный мыслитель не понял диалектической концепции снятия. Релятивистская интерпретация диалектической теории прогресса давала ему аргумент в пользу консерватизма. Последний понимался им как умение и способность видеть в прошлом, старом положительное и стремление к его сохранению. Отсюда, по его мнению, всякие попытки что-либо изменить в общественной жизни означают отрыв от прошлого, что, в свою очередь, является симптомом утраты исторического смысла жизни.

Онтологическим взглядам, развивавшимся отечественным органицистом, в его творчестве соответствуют и социально-философские воззрения. Применительно к социальному процессу страховская интерпретация развития является философской базой реформистских или консервативных установок. Перенос закономерностей эволюции организма на социальные процессы имеет следствием отрицание всяких вмешательств людей в ход исторического про-

цесса с целью изменения коренных основ общественной жизни. Отсюда становится ясно, что отношение Страхова к социальной революции, особенно к социалистической и социализму, будет негативным, что подтверждается конкретным анализом работ, в которых эти вопросы рассматриваются. Он, проявляя себя последовательным органицистом, являлся противником всяких теоретических социальных проектов, считая их в принципе утопическими, потому что они нарушают органический, естественный ход человеческой истории.

Страховские сомнения относительно возможности прогрессивного поступательного развития человеческого общества питались его моралистскими установками. В истории он обращал внимание на факты падения нравственности. Страхов делал акцент на нравственном аспекте истории, во-первых, в силу того, что в России недоставало регулирующей роли права. Во-вторых, потому что он и славянофилы видели антигуманные последствия развития капитализма, где основной ценностью оказываются деньги, материальные блага, материальный комфорт.

Сомневаясь, что можно допустить прогресс, мыслитель писал: «Гегель давал истории философии и вообще истории человечества глубокую значительность и приписывал ей некоторый непрерывный и правильный ход; но, кажется, дело идет не всегда так» [3. С. XXIII]. В высказывании Страхова звучит сомнение в применимости рационалистической парадигмы к историческому процессу. Страхову представляется, что «правильнее видеть в истории лишь непрерывную борьбу высоких начал с низкими, жизни и развития с смертью и вырождением. Чем прекраснее и выше возникающие явления человеческого духа, тем неизбежнее они заносятся потом бесконечным песком мелких и низменных явлений. За подъемом духа следует упадок, волны смыкаются за величественным кораблем, и сон сменяет горячую деятельность» [3. С. XXIV]. Критерием прогресса у Страхова выступают: нравственная и духовная высота личности, группы, народа, государства,

качество ценностей, господствующих в общественном сознании.

На русского мыслителя, так же, как и на консервативно настроенных мыслителей в Европе, повлияли революционные события 1848 г. У многих из них они подорвали веру в разумность истории. Для некоторых интеллигентов, в том числе западноевропейских, революция 1848 г. означала крушение рационализма, той веры в исторический разум, которая была характерна для эпохи Просвещения. Отрицание ужасов террора имело следствием и отрицание просветительской идеологии, теории, подготовившей кровавый, разрушительный ход событий. Критика *просвещенческой* концепции прогресса, характерная для европейского консерватизма вообще, у Страхова укладывается в его славянофильскую критику западноевропейской цивилизации.

У отечественного неославянофила анализ революционного события в Париже 1871 г., естественно, соединен с критикой Запада, с критикой попыток европейских и русских мыслителей рассматривать тип европейского социально-политического развития как общечеловеческую модель. В определенном смысле Парижская коммуна была событием, которое, как считал Страхов, прекрасно демонстрировало, с одной стороны, правильность его трактовки западной цивилизации, с другой — ложность веры в Запад, которую питают отечественные западники. Он выражал убеждение, что катехизису, определяющему догматы верования в Запад, противоречат такие события, которые делают невозможным держаться этого катехизиса. В статье «Парижская коммуна» он, суммируя свои выводы, делавшиеся в ранних работах, формулирует эти догматы западнического катехизиса. Они состоят в следующем:

1. Запад есть страна всяческого прогресса. История Запада есть главная часть всемирной истории, и то, что делается на Западе, имеет силу и обязательность для всего земного шара, не исключая Россию.
2. Прогресс совершается на Западе непрерывно, неудержимо и состоит в движении к

лучшему, ибо при каждой перемене нарастает новая, лучшая жизнь [4. С. 193].

Страхов, выясняя характер произошедших революционных событий во Франции, характеризует, несомненно, ориентируясь на Герцена, общую закономерность, существующую, по его мнению, во всякой революции. Он признает, что революция 1789 г. была совершена во имя прав человека: «После долгой борьбы...оказалось, что права человека не были достигнуты; вместо того был достигнут очень ясный и определенный результат: буржуазия низвергла два стоявших над нею сословия...и сделалась полною властительницей Франции. Вот та тайная сила, которая руководила великою революцией и для которой, в сущности, трудились философы и политические деятели, ставившие себе, по-видимому, совершенно другие цели» [4. С. 198]. Приводя и другие примеры несовпадения ставившихся непосредственных целей и получавшихся результатов, Страхов делает вывод, что «в каждой революции, в каждом потрясении нужно непременно различать сознательный повод, отвлеченную идею, во имя которой производится переворот, от тех действительных сил, которые приводятся в движение переворотом. Результат зависит от этих сил, а не от того, что говорят ораторы и пишут журналы. Мы показали бы очень большое малодушие, если бы после стольких опытов все продолжали думать, что всеобщая история может совершаться по некоторой наперед составленной программе, если бы добивались такого совершения и сердились на его неудачу. ...Не умнее ли будем, если мы не станем подетски негодовать на действительность, а будем ее ...исследовать? Можно напиваться не одним вином, можно напиток иными мыслями до потери всякой трезвости, до неумения ясно видеть <...>. Такое пьянство нынче в моде и очень поощряется во всемирной литературе <...>. Нас отрезвляют разве только страшные события, потоки крови, горы трупов, города в пламени, да и то не всегда отрезвляют. Не лучше ли заранее поставить себе правилом — трезвость духа и то смиренное, внимательное изучение действительности, которое одно при-

лично человеку, ищущему правды...» [4. С. 200].

Приведенное рассуждение являет собой один из многочисленных хитроумных способов страховской стилистической, семантической «игры в прятки», которая дает возможность автору не высказывать прямо своей точки зрения, преподнести себя мудрым, объективным исследователем. Хитроумность приемов Страхова проявляется и в том, что противник всяких революций в приведенной эксерпции из текста статьи «Парижская коммуна» соединил несколько мыслей из герценовской статьи «С того берега». На необходимость самого серьезного изучения действительности, в частности честного, требующего смелости анализа произошедшего во Франции в 1848 г., опыта поражения революционных сил, ранее обращал внимание Герцен. Страховские советы обрести трезвость духа, призыв к смиренному, внимательному изучению действительности, на наш взгляд, могут быть интерпретированы как призыв к смирению, созерцательному отношению к существующему социальному порядку. У Страхова, в результате, остается неясным, для чего необходимо объективное изучение действительности, тогда как у Герцена цель изучения произошедших революционных событий 1848 г. была совершенно ясна. Истинным социалистам-революционерам, считал Искандер, необходим был беспристрастный анализ ошибок для того, чтобы избежать их в будущем. Ещё одна «хитрость» герценовского критика может быть обнаружена в приведенной цитате. В работе «С того берега» много внимания уделялось проблеме закономерности исторического развития. Герцен, выдвигая аргументы, выражал несогласие с интерпретацией хода социального прогресса как прямолинейного и запрограммированного процесса. Мы видим, что Страховым используются эти мысли Искандера, но с противоположной целью. Примечательно, что в критике «прогрессистов», концепции социального прогресса, Страхов не использовал данные герценовские идеи и аргументы, наоборот, как отмечалось выше, фактически отождествлял признание прогрессивного

движения истории с его прямолинейной трактовкой.

Страхов определяет революцию 1871 г. как в полном смысле социальную, ибо она была иницируема и руководима социалистами. В чем программа этого движения со страховской точки зрения? Существующие объяснения, по его мнению, не могут приписать Коммуне особенно высоких и светлых целей. Мы видим, что начинается расхождение в оценках между Страховым и Герценом. Отечественный консерватор правильно понял, что главная черта революции 1871 г. — стремление к *социальному* перевороту. Он верно понял также, что ее движущая сила — четвертое сословие, пролетариат. С одной стороны, играя роль беспристрастного аналитика, философ признает, что социальный переворот — цель важная, но, с другой — тут же утверждает, снижая ее значение, что цель и идеалы Парижской коммуны очень далеки от прежних идеалов революции 1789 г. Уже, пишет Страхов, нет речи о правах людей, нет радостных призывов к свободе, равенству и братству, «нет золотых мечтаний фурыеризма о всеобщем счастье». Задача революции, убежден философ, сузилась, так как «дело идет не о достижении людьми каких-либо прав (третье сословие достигло всяких прав), не о счастливом устройстве человечества на земле (третье сословие достигло всякого счастья), дело идет только об одном сословии — о рабочих, и требуется не столько осчастливить его, как спасти от бедствий, не столько наделить правами и властью, сколько защитить от непрерывного гнета капиталов и хозяев. Не новых благ добивается новая революция; она хочет только пособить бедствию, способствовать разрешению вопроса, который как гроза навис над большею частью Европы и грозит не одной Франции...» [4. С. 201].

Претендуя на объективность, отечественный мыслитель заявляет, что против программы ничего возразить нельзя. Рабочий вопрос «способен к огромному развитию». Далее становится ясна его собственная «программа» решения рабочего вопроса. «Можно представить себе целый ряд искусных мер, и частных, и го-

сударственных, которые противодействовали бы великому злу и довели бы его до возможной меньшей степени». Программа, как видим, реформистская, но интересно, что он фактически спрогнозировал путь, по которому пошли западноевропейские государства, капитал — по пути социализации.

Следуя заявленной идее о несовпадении в революции цели и результатов, исследователь задает вопрос: можно ли надеяться, что на этот раз революционерам удастся добиться цели? Ответ, думается, понятен. Не для того хитроумный Страхов сформулировал противоречие, чтобы дать утвердительный ответ на поставленный вопрос. Конечно, с его точки зрения, «результат получится несколько не похожий на исходную точку». Философу ясно, что в революции действуют другие силы, что рабочий вопрос — лишь предлог для «обнаружения стремлений более могущественных». Каких?

Интрига разрешается Страховым следующим образом. Обычно революцию 1871 г. изображают как борьбу сословий, но, по его мнению, это неверно, так как борьба сословий закончена. Но что наступает вместо нее? В революции 1789 г. буржуазия, которая, по убеждению Страхова, *не была сословием в полном смысле слова*, свои интересы представляла как общечеловеческие. В том и была ее сила, что она искренно, горячо провозгласила всеобщее равенство, действительное освобождение всех и каждого. Все политические революции совершались во имя общих целей, и только новая революция прямо заявляет, что она сословная, что ее цель — не право и свобода всех вообще, а благоденствие *одного класса* людей. (Мыслитель, используя тогдашнюю традиционную официальную терминологию, считает сословиями дворянство и духовенство). Таким образом, хитроумный публицист вводит две важнейшие посылки с презумпцией истинности (без всякого обоснования). Из первой посылки — рабочий класс не является сословием, вытекает вторая — борьба сословий закончена. Эти утверждения позволяют рисовать рабочий класс как сугубо эгоистичный. К тому же Страхов не объясняет, что означает благоденствие и

не ставит вопроса: за счёт кого это благодеяние рабочий класс намеревался себе обеспечить?

То, что рабочий не является сословием, объясняется Страховым отсутствием какой-либо «перегородки, каких-либо отличий, отделяющих рабочего от нерабочего». Он утверждает, что, «если не на деле, то в принципе все права уступлены рабочим; самодержавие народа перестало быть пустым словом, а стало действительной властью, и работник наравне с графом подает голос за императора, или за республику» [4. С. 224]. Иными словами, по Страху получаются, что демократические выборы — это и есть, в сущности, народовластие. Если, с его точки зрения, разделение людей, вызвавшее борьбу, имеет не сословный характер. Тогда какой?

Итак, согласно философу, принципиальной отличительной чертой социальной (социалистической) революции является ее несословный характер, т.е. то, что она выражает интересы одного только пролетариата. В развернутой Страховым аргументации обращает на себя внимание обоснование отсутствия каких-либо различий между рабочим и остальными социальными классами. Прежде всего, бросается в глаза, что у Страхова в вопросе о равенстве прав, который у него играет в объяснении целей социалистической революции важную роль, ставится знак тождества между реально полученными рабочими равными политическими правами и уступкой их «в принципе». Да, «в принципе» они были провозглашены Великой французской революцией 1789 г. Примечательно при этом, что сам Страхов одновременно утверждает, что все права в результате этой революции были присвоены буржуазией, которая «низвергла» два стоявших над нею сословия. Утверждение почерпнуто из работы Герцена «С того берега», оно повторено, но оказалось внутренне не принято Страховым, поэтому не осмыслено, отсюда и противоречие в утверждениях. Кроме того, удивление вызывает страховское заявление, что «самодержавие народа перестало быть пустым словом, а стало действительной властью, и работник наравне с

графом подает голос» на выборах. И это при том, что сам мыслитель критиковал выборы, которые, по его мнению, не реализуют даже свою непосредственную функцию — избрание наиболее достойных.

Но, во-первых, у Страхова речь идет только о политических правах, ограниченных к тому же участием в выборах, во-вторых, опять-таки возникает вопрос, насколько это заявление согласуется с вышеприведенным утверждением о буржуазии, ставшей в результате революции полной *властительницей* Франции? Страхов, на наш взгляд, очень поверхностен, что объясняется, вероятно, заданной целью. В данном случае можно вспомнить гораздо более глубокое понимание реального положения с равенством, свободой, которое демонстрировал его друг Ф.М. Достоевский. (В то время, когда писалась статья о Парижской коммуне, они все еще оставались друзьями). Достоевский писал: «Что такое «liberte»? Свобода. Какая свобода? — Одинаковая свобода всем делать все, что угодно, в пределах закона. Когда можно делать все, что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно» [5. С. 105].

Если разделение классов, вызвавшее борьбу, согласно Страху, имеет не сословный характер, то какой же? Ответ дается следующий. «Когда политическое и гражданское равенство установилось, образовалось два класса людей: одни — богатые, имущие капиталисты, хозяева, другие — бедные, неимущие, пролетарии, работники. Принцип этого разделения не имеет ничего общего с государственными, юридическими разграничениями». Страхов не видит роли экономических отношений, отношений собственности на средства производства в общественной жизни, хотя, думается, следуя терминологии Герцена, упоминает о противоположном экономическом положении капиталистов и пролетариев, при котором одни — хозяева, другие — работники. Даже исходя из противоположности положения в сфере производства,

можно было задуматься о влиянии этого противоположного положения на характер правовых отношений между этими сословиями. Правовые отношения, очевидно, предполагают связь с государством, с политическими отношениями.

Герцен считал, что существующая «цивилизация — цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих». «Я не моралист и не сентиментальный человек, — писал мыслитель, — мне кажется, если меньшинству было действительно хорошо и привольно, если большинство молчало, то эта форма жизни в прошедшем оправдана. <...> Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколений, едва догадывалось, отчего ему так ловко жить; пока большинство, работая день и ночь, не совсем догадывалось, что вся выгода работы — для других, и те и другие считали это естественным порядком. Мир антропофагии мог держаться. <...> Работник не хочет больше работать на другого — вот вам и конец антропофагии, вот предел аристократии» [б. С. 43].

По мнению Искандера, события 1848 г. свидетельствуют о том, что пролетарий «спросил, наконец, где же его доля во всех благах, в чем его свобода, его равенство, его братство» [б. С. 40]. В статье «Prolegomena» и других работах он стремился объяснить объективные причины грядущих социальных революций, так как предыдущие, по сути, не реализовали ни свободы, ни равенства, ни братства для большинства. Например, каков оказался результат революции 1789 г. в реализации такой части известного лозунга, как братство? «Нет братства, — пишет Герцен, — между хозяином, который пользуется и злоупотребляет своим правом имущего, и работником, который используется и подвергается злоупотреблениям потому, что он неимущий» [б. С. 508]. Автор статьи о Парижской коммуне не замечает приведенных утверждений Герцена.

По Страхову, получается, что трудящийся сам виноват в том, что больше «не хочет работать на другого», не считает отношения эксплуатации справедливыми. Он, во-первых, предлагает другое, хорошо всем известное объ-

яснение того, почему народ терпел и почему перестает терпеть. К этому объяснению философ прибегает и в критике нигилизма. «От начала веков, — пишет Страхов, — народ безропотно работает. Страдает и гибнет, пока верит во что-нибудь такое, ради чего можно и должно приносить эти жертвы. Он поднимается лишь тогда, когда может отказаться от одного веруемого предмета и устремить свою веру на другой. Не смерть и труд страшны для людей; всего страшнее им то, когда не для чего трудиться и не за что жертвовать собою» [4. С. 226]. Мысль, на наш взгляд, выражена не слишком внятно, и невнятность, думается, не случайна, ибо автор — прекрасный стилист. Сказывается скрытая религиозность отечественного консерватора. С его точки зрения, важнее всего для человека забота о спасении души и вера в её бессмертие.

Приведенное страховское заявление вызывает ряд вопросов. Во-первых, народ поднимается на борьбу всё-таки, когда у него сменяется предмет веры или когда он лишается веры во что-либо вообще? Во-вторых, народ включается в борьбу за изменения своего положения в обществе, за улучшение условий жизни, — разве эти цели не предполагают веру в определенные идеалы, например, — в социальную справедливость, социальное равенство? В-третьих, получается, что народ должен безропотно работать и приносить жертвы вследствие того, что верит в бессмертие души, т.е. понимает, согласно Страхову, высший смысл жизни. Но ведь и те, кто присваивают результаты труда народа, верят в то же бессмертие, что и народ; почему же они не должны работать и приносить жертвы, как это со смирением делает (должен делать) трудящийся?

Страхов в этом заочном диалоге противопоставляет Герцену свой взгляд на причину революционных событий. Буржуазия и пролетариат предстают у него как естественное, неизбежное деление людей: «Они суть не что иное, как простое различие по имуществу, по средствам материального благосостояния, могущее дать и непременно дающее только два отдела, отдел богатых и отдел бедных» [4. С. 225]. Рас-

суждения Страхова по такому важнейшему социальному вопросу настолько поверхностны, что не могут рассматриваться даже как аргументация. Он совершенно не задается вопросом, почему «естественно» возникают два этих «отдела», имущих и неимущих. Поэтому на таком же примитивном уровне рассуждение продолжается дальше: «так точно, сословию умных людей противоположно только сословие глупых, сословию добрых и честных сословие злых и подлых и т.д.». Как видим, мыслитель, взявшийся объяснить социальное явление, грозные последствия которого он отлично осознает, демонстрирует непонимание того, что такое социальная структура общества. Об этом свидетельствуют употребляемые понятия сословия, классы, отделы. Исследователь их не различает, смешивает элементы социальной структуры общества с выделением нравственных типов людей, с различием по умственным способностям. В статье звучит чисто декларативное, не подтвержденное какими-либо доказательствами утверждение, что политические и гражданские учреждения представляют «более глубокий корень» общественной жизни, нежели имущественные различия. По логике Страхова получается действительно так.

Далее движение мысли представителя русского консерватизма XIX в. совершенно предсказуемо. Новая революция восстает против естественного и, в силу своей естественности, неизбежного деления людей. Борьба в этих революционных событиях направлена против «начала несравненно более крепкого и естественного, чем те, против которых восставали прежние революции», поэтому она, по его мнению, будет очевидно бесплодной. Философ претендует на вскрытие сущности социальной (социалистической) революции. *Специфика, сущность этой революции*, состоит в том, что её интерес — не духовное благо, не достоинство человека, а чисто материальный интерес. По убеждению критика революции, цель западноевропейского пролетариата, в сущности, состоит только в том, чтобы отобрать власть и все, что она дает, у господствующего класса и присвоить себе все то, что этот класс имел. Мало

того, утверждал Страхов, вожди революционного движения стараются очистить свое движение от всех других человеческих интересов. Он продолжает в критике левого радикализма свою линию, начатую в журнале «Время», приписывая ему жесткое отделение духовных потребностей и интересов от материальных. Проявлением «очистки» мыслитель ошибочно считает учреждение международного общества, название которого свидетельствует об отказе «вожаков» от всяких национальных интересов, что для неославянофила неприемлемо. Страхову, кажется, изменяет логика. Цель учреждения Международного Интернационала не в «очистке» рабочего движения от всех интересов, кроме материальных, а — в другом. Он сам же на это и указывает, — целью было действительно сделать рабочее движение интернациональным. Мыслитель не понимает, почему рабочее движение принимает, должно принять интернациональный характер.

Отрицание всяких духовных ценностей как целей социальной (социалистической) революции дает возможность Страхову выдвинуть еще одно доказательство её несостоятельности. По мнению русского идеалиста, люди не будут отдавать свои жизни только из-за материального интереса, а за идею — будут. Страхов применяет часто используемый в критике прием: сначала приписать определенную черту, принцип и т.д. критикуемым представлениям, а затем все приписанное критиковать. Революционерам он приписал мещанское представление о целях и идеалах революции. Критик социалистической революции должен был привести доказательство того, что вожди революции отрицали связь между материальными интересами и идейными мотивами. Причем Страхов приводит аргументы, против которых вряд ли найдутся у кого-либо возражения. Мыслитель утверждает, что материальные нужды и жажда благосостояния сами по себе как единственный побудительный мотив не действуют. «Им всегда нужно некоторое освящение, некоторая печать, налагаемая интересом высшего порядка, какою-нибудь духовною потребностью. <...> Чтобы бороться, людям нужна идея, и только под покровом не-

которой идеи материальные побуждения могут действовать с полною своею силою» [4. С. 226]. Не очень ясно, как вожди, по мнению Страхова, отделяли материальные интересы от идей. Создание интернационала было сознательным, следовательно, было осуществлением каких-то важных для создателей идей, целей. Критик не очень озабочен доказательствами выдвигаемых тезисов, в своем подавляющем большинстве они просто декларируются. Но при этом выдвигаемые им утверждения подчиняются вполне четкой логике.

Итак, цели у революционеров низкие, поэтому рабочее движение по своему внутреннему содержанию бессильно. Однако можно возразить, поскольку силу оно в 1871 г. продемонстрировало, что Страховым не отрицается. Он прогнозирует, что еще большую силу оно «получит впереди — от каких-нибудь других стремлений, более могущественных, более способных насытить человеческое сердце». Эти другие, более могущественные стремления, им называются — они уже видны и именуется «жаждой мщения и наслаждением разрушения». В таких случаях людьми руководят страсти. Рабочие, согласно Страхову, не просто желают своего благосостояния, они ещё и завидуют имущим классам и ненавидят их. И когда они придут к убеждению, что зависть законна, а ненависть справедлива, то этой «идее правды они будут готовы пожертвовать и собой и другими». Хотя и ложным образом они насытят свою жажду справедливости и желание самопожертвования. Следовательно, за революционерами признаются все-таки и духовные интересы, потребности, которые к тому же, например, жажду справедливости, вряд ли можно назвать низкими. Но он их тут же снижает. При этом, утверждает критик, они забудут свою прямую цель «и упьются хоть на минуту сознанием — не того, что они приготовили себе лучшее материальное будущее, а того, что отомстили за великую многовековую неправду» [4. С. 227].

Следуя оценкам французских историков, на труды которых он опирался, Страхов сосредотачивает внимание на данном социально-

психологическом моменте. При этом он использует вырванную из текста фразу Герцена. Искандер писал, что в 1848 г. революция побеждена в Париже, побеждена республиканцами во имя порядка. Какого порядка? С бомбардировок парижских улиц, с обмана инсургентов предместья св. Антония, с расстреливания гуртом, с депортаций без суда начинается не только эра порядка, «но и определяется весь характер предсмертной болезни дряхлой Европы». Она умрет рабством, застоём, византийской болезнью... она умерла бы и свободной, но оказалась недостойной этого. Донской казак в свое время придет разбудить этих Палеологов и Порфиригенитов — если их не разбудит трубный глас последнего суда — суда народной Немезиды, который будет над ним держать социализм мести — коммунизм...» [7. С. 199]. Герценовские объяснения революции Страховым интерпретируются по-своему. Искандер утверждает скорый приход последнего суда, суда народной Немезиды. Французский народ, по мнению Герцена, восстанет против великой неправды общественного быта. Он рассматривает революцию как справедливую борьбу народа за создание справедливого общественного устройства. Страхов выделяет из контекста только фразу о суде, который будет держать социализм мести, — коммунизм. В результате, Герцену приписывается мнение, будто коммунизм только социализм мести. Таким образом, у Страхова получается, будто Искандер считал, что революция будет не весть спасения и обновления, а только единственно *суд народной Немезиды*. В результате, в страховской статье делается вывод, что предсказываемый Герценом переворот произойдет не из стремления к справедливости и жажды добра, а только из жажды зла.

В 1865 г. в статье «Письма к путешественнику» Герцен акцентирует мысль, что социализм, страстно увлеченный, с желанием кары и мести — молодой социализм, он выступил «прежде, чем узнал силу свою и определил мысль свою». Но, не воином, не судьей должен он явиться... суд он держал, пусть же он явится исполнителем судеб в ином смысле слова,

пусть он «увенчает здание» и завершит революцию» [б. С. 451]. Но для этого, как доказывал во всех последующих работах Искандер, в том числе отвечая анархистам, нужно много трудиться, «нельзя торопиться и торопить других», переворот, революция должны быть подготовлены. В Письмах «К старому товарищу» автор предупреждал, заменяя в рукописи слово «социализм» на слова «экономический переворот», что он «имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями — в трезвости своей основы. По мере того как он вырастает из состояния неопределенного страдания и недовольства, он невольно становится на реальную почву». Поэтому революция, социализм не могут, по Герцену, утверждаться мстью, быть карой, в таком случае революция обречена на неудачу, при этом он всегда напоминал о событиях 1848 г. Мыслитель, например, пояснял: «Это будет не суд, не расправа, а катаклизм, переворот...» [б. С. 45].

Страхов ставит революцию и революционеров вне нравственности, как и все их противники. Герцен отвечал им всем: «Революция всегда сурова, доблестна по обязанности, чиста по необходимости; она всегда — самопожертвование, ибо она всегда опасность, гибель личностей во имя всеобщего. Разве были безнравственны первые христиане? или гугеноты, или пуритане, или якобинцы? Вот вооруженные заговоры, государственные перевороты — те и вправду не слишком-то непорочны, но ведь это *ретрореволюции*» [б. С. 509].

Следует отметить, что Страховым затрагивается сложная проблема, относящаяся к сфере политической психологии, которая осталась в социальной психологии и политологии слабо разработанной. Все чувства, страсти, которые он описывает, присутствуют в революционной борьбе, любой войне. Однако, на наш взгляд, его анализ все-таки страдает некоторой тенденциозностью, односторонностью в силу сосредоточения только на психологической составляющей. Примечательно, что критик революции описывает чувства и страсти, которые обуяют представителей французского рабочего

движения, и умалчивает о представителях противоположного класса. Они, вероятно, тоже испытывали какие-то чувства по отношению к своим противникам. Получается, что революции возникают только по вине народа. Причем имплицитно народные массы у критика отождествляются с толпой с соответствующей психологией. Однако народные массы и толпа не тождественны друг другу.

В статье «Парижская коммуна» находим и философское объяснение «разгулу дурных страстей». Давая характеристику времени, неославянофил Страхов повторяет сказанное в статье «Опыты изучения Фейербаха» (1864 г.). В Западной духовной культуре отмечалось противоречие между чрезвычайной страстностью и оскудением идеала. Активности, по его мнению, много, но она направлена на ошибочные цели. В ошибочности целей виновата, по представлению Страхова, «ходячая концепция» социального прогресса. Согласно ей, считает философ, чем больше движение, чем обильнее потоки крови, тем сильнее должна быть действующая идея, тем важнее шаг, делаемый человечеством вперед. Корень французской революции, по Страхову, в настроении французского общества, в его нравственном складе и в его понятиях о добре и зле. Примечательно, что при этом он не обращается к работам Герцена, который видел объективные и субъективные причины социальной, как он её называл, социалистической революции. Причем, вскрывая их, Искандер предсказывал грядущую социалистическую революцию. В 1871 г. его предсказание сбывается, во Франции рабочие предпринимают попытку, которая оказалась неудачной, изменить социальный строй. Следовательно, Герцен оказался прав, утверждая, что вопросы, занимающие работников, не разрешены, и *политической* революцией вопросы народного благосостояния не могут быть разрешены [б. С. 450]. Для Страхова произошедшие события — проявление справедливости оценок Запада, которые были даны старшими славянофилами. Они доказывали, что Европа — в кризисе, «Запад гниёт». Славянофильствующий мыслитель, обращаясь к анализу Парижской коммуны, пы-

тался предостеречь отечественных либералов от поклонения Европе. Он писал, что «обыкновенные наши взгляды на Европу до того наполнены рутинной, до того проникнуты предрасудками, что невозможно подумать об этом без горести». Люди, ничему не верующие, отчаянные скептики «верят в Европу так слепо и преклоняются перед нею так низко, как какие-нибудь дикари перед своими идолами. Никакие кричащие факты на них не действуют, никакая очевидность их не вразумляет» [4. С. 237].

Страхов принадлежал к тем теоретикам, которые политический и социальный переворот рассматривали антитетически. Герцен им, в частности заочно Страхову, отвечает, что социализм нельзя противопоставлять политическим переворотам, он, в сущности, их исход, это две стадии одной и той же дороги. В статье «Письма к путешественнику» он, уловив закономерность, объясняет, почему это так: «Все государственные и политические вопросы <...> по мере совершенствования народа стремятся перейти в вопросы народного благосостояния» [6. С. 499]. Отсюда его убеждение, что России социализм не может повредить, потому что освобождение крестьян с землей — это и есть социальный переворот, общинное владение землей — это и есть социализм. «Ненависть к социализму крепостника, оплакивающего землю свою и барщину свою, понятна <...> но наших литературных врагов социализма нельзя понять» [6. С. 448].

Страхов развивает свое представление об органическом, эволюционном движении общества. Автор статьи «С того берега» как бы отвечает Страхову и его сторонникам, но этот ответ Страховым проигнорирован, возможно, потому, что он не смог найти контраргументов. Герцен признаёт, что мысль о крутом насильственном перевороте для многих имеет в себе что-то отталкивающее: «Люди, видящие, что перемена необходима, желали бы, чтоб она сделалась исподволь». Примечательно, что Герценом приводятся типичные для органицистов доказательства. Читаем в работе «С того берега»: «Сама природа, говорят они, по мере того как она складывалась и становилась бога-

че, развитее, перестала прибегать к тем страшным катаклизмам, о которых свидетельствует кора земного шара, наполненная костями целых населений, погибнувших в ее перевороты; тем более стройная, покойная метаморфоза свойственна той степени развития природы, в которой она достигла сознания» [6. С. 46]. «В природе, — добавляет Герцен, мысля диалектически, — консерватизм так же силен, как революционный элемент. Природа позволяет жить старому и ненужному, пока можно...» [6. С. 47]. Революции, согласно Герцену, происходят не потому, что кто-то хочет этого насильственного переворота. Мыслитель спрашивает: «Как вы убедите собственника, ростовщика, хозяина разжать руку, которой он держится за свои монополии и права? Трудно представить себе такое самоотвержение» [6. С. 46]. «Массы хотят остановить руку, нагло вырывающую у них кусок хлеба». У Искандера можно найти ответ Страхову на его обвинения революции в крови, насилии и т.д.: «Восставая против социализма под тем предлогом, что он хочет зря ломать и насильственно строить, люди со всеми своими прогрессивными стремлениями становятся на сторону закоснелого консерватизма и защищают падающие институты, составляющие главное препятствие развитию» [6. С. 450]. «В гонении на социализм, поднятом у нас в подражание Западу, есть что-то бессмысленное и тупое, трусливое и невежественное. Европа боялась социального переворота потому, что он был страшен для нее; встретив отпор, он шел путем отчаяния и насилия на разрушение узкого, но веками слепленного и привычного государственного устройства...» [6. С. 448].

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать вывод, что в целом оценка и представление о революции определялись страховской консервативной социально-политической ориентацией. Весьма существенную роль играли также славянофильские убеждения мыслителя и публициста. Революционные катаклизмы, потрясавшие Запад, по его мнению, были выражением духовного кризиса западной цивилизации. Категорически не соглашаясь с Герценом, он считал, что «русской

почве», духовным инстинктам народа чужды социалистические идеи. В России нет, по его мнению, объективной основы для политического радикализма. В отношении страховского анализа революционных событий 1871 г., на наш взгляд, следует констатировать, что Страхову недостает аналитичности и объективности. Его оценки в большинстве случаев выражают его негативное отношение к событиям. Он тенденциозно представляет взгляды Герцена. Исследование Парижской коммуны при понимании значимости события не отличается глубиной понимания сути происшедшего. На наш взгляд, серьезной ошибкой Страхова является то, что в своем анализе он останавливается на уровне нравственно-психологическом. При этом философ не принимает в расчет исторические закономерности, объективные детерми-

нанты тех или иных духовных явлений, политических действий.

Список литературы

1. *Страхов Н.Н.* Библиография. Парижская коммуна <...> // *Заря*. 1871. №10-11. II. С. 1-37. (статья была включена Страховым в сборник «Борьба с Западом в нашей литературе». Кн. 1).
2. *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена // *Заря*. 1870. № 3, 4, 12.
3. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. СПб., 1890.
4. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. Изд. 3-е. Кн. 1. Киев, 1897.
5. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 10 т. М., 1956. Т. 4.
6. *Герцен А.И.* Соч.: в 2 т. М., 1986. Т. 2.
7. *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М., 1955. Т. 5.

THE VIEWS OF N.N. STRAKHOV ON REVOLUTION: THE DISPUTE WITH A.I. HERZEN

Nina V. Snetova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article throws light upon the social views of Russian philosopher N.N. Strakhov. In this article is considered of Strakhov's analysis of the Paris Commune (1871). The author voices an opinion that Strakhov attempts to oppose own view on revolution to Herzen's views. It is demonstrated that the Strakhov's denial of revolution is the result of his organicism and conservative political orientations.

Keywords: Russian philosophy; Strakhov; Herzen; social revolution; Russian conservatism; social progress; historical process; organicism.